

УДК 2-1(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.20.036

Между мессианизмом и аскетизмом: национальный вопрос в контексте религиозно-метафизических взглядов С. Н. Булгакова

Т. С. Городилова¹, Т. А. Горюнова²

¹кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-1837-1515. E-mail: gtspost@yandex.ru

²кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-0119-114X. E-mail: tagorunova@inbox.ru

Аннотация. Вопросам патриотизма и «русской идее» в отечественной интеллектуальной культуре традиционно уделяется много внимания. Тем не менее конкретные философские концепции, связанные с нацией и национальностью, интернациональными отношениями далеко не всегда попадают в поле детального изучения исследователей. Национальный вопрос, как правило, рассматривается в контексте все той же русской идеи. Однако именно в работах отечественных философов рубежа XIX–XX веков начинается обсуждение того, как должны строиться отношения между народами в многонациональной стране. Актуальность обращения к данной теме во взглядах С. Н. Булгакова обусловлена и тем, что опыт русской философии в вопросах анализа взаимоотношений народов может стать теоретической базой для разработки современных стратегий развития культурной и национальной политики. Цель статьи – раскрыть представления С. Н. Булгакова о нации и проблемах формирования национального самосознания, патриотизма, развития гражданской ответственности. На примере его идей показывается важность изучения данных тем не только с позиций эмпирического научного подхода, но также с мировоззренческих и общефилософских оснований. Признавая факт того, что нации есть результат «этнографических смещений», философ подчеркивает невозможность их продуктивного познания без включения аксиологического компонента, поскольку любая нация обладает особым духовным стержнем. Для ее гармоничного существования необходимо взаимодействие народов, населяющих одну страну. Однако, по мнению С. Н. Булгакова, наличие национального самосознания, это не право, а гражданский долг, предполагающий уважение ко всем этническим культурам, в котором нет места «национальному мессианизму».

Ключевые слова: русская философия, метафизика, нация, аксиологический подход, религиозность, патриотизм, национальная и этническая идентичность, национализм.

Русская философия традиционно выступает как один из инструментов формирования российской гражданственности, поэтому она обладает огромным потенциалом для развития патриотизма в сознании россиян. Многие ее представители, при всем отличии их взглядов на отдельные религиозные, философские, социально-политические проблемы, в центр своих размышлений ставили тему любви к родине, включая в ее осмысление вопрос о нации и национализме как социально-философских категориях.

Важными для отечественной философии были и размышления о роли России в мировой истории, о диалоге Востока и Запада, о России как защитнице славянских народов перед лицом европеизации. Однако идеи о необходимости интеграции с другими народами носили преимущественно внешнеполитическую направленность, национальный вопрос как задача внутренней политики оставался на втором плане.

Если обратиться к истории этой темы, то следует отметить, что после образования Российской империи и примерно до второй половины XIX века проблема патриотизма и межнационального общения рассматривалась властью сквозь призму формирования имперского абсолютизма: все народы подчиняются правителю и центральной власти и признается доминирующая роль великорусской нации. Нередко это усиливало антирусский национализм среди других народов империи, националистические настроения оказывали влияние на общественно-политическую жизнь не только в национальных регионах, но и в стране в целом.

Поэтому и философская публицистика все больше стала обращаться к вопросу о национальном самоопределении народов России. Рассуждения о сущности патриотизма изначально соотносились с долгом гражданина перед отечеством. Одним из первых об этом заговорил

А. Н. Радищев в работе 1789 года «Беседа о том, что есть сын Отечества». О готовности отстаивать интересы родины как важнейшей черте патриота писали представители революционно-демократической мысли: А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, В. Г. Белинский и др.

С новой остротой тема патриотизма была поднята в начале XX века, когда страна оказывается перед выбором своего исторического пути. Поэтому о долге патриота Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Н. Ф. Федоров, С. Л. Франк, Е. Н. Трубецкой и еще ряд авторов пишут с точки зрения ответственности за политический выбор, готовности поддержать не только сильную и богатую родину, но и слабую, запутавшуюся в идеологических, религиозных проблемах.

Следует также отметить, что большинство работ рубежа XIX–XX вв. о специфике национального характера посвящено преимущественно судьбе русского народа, православию и политическому выбору в условиях революционных и политических потрясений. Остальные народы страны и их религиозное, культурное самосознание практически не попадают в сферу пристального интереса авторов, а задача формирования этнического самосознания поднимается в контексте предельно широкой проблемы – сохранения российской национальной культуры.

Однако постепенно философский подход к осмыслению национального патриотизма перерастает в это узкое содержание. Мыслители все чаще подчеркивают, что истинному патриоту необходимо вырабатывать этику межнациональных отношений для взаимодействия не только с другими государствами, но и внутри страны, настроиться на созидательный межкультурный диалог. Но удельный вес этих материалов, в сравнении с работами, посвященными так называемой русской идее, сравнительно мал и в них практически нет собственно «этнографического» содержания.

Национальный аспект темы патриотизма так или иначе затрагивается В. С. Соловьевым, В. В. Розановым, Н. С. Трубецким, И. А. Ильиным, С. Н. Булгаковым и др. [2; 3; 5; 6; 8; 11; 13–19]. Они начинают формировать методологические подходы к философскому анализу понятий народа и народности, нации и национализма, обеспечив хорошую теоретическую базу для современных гуманитарных исследований.

Так, В. С. Соловьев, говоря о феномене нации, определяет его как общность, в рамках которой будет развиваться христианское всеединство человечества. Он пишет о необходимости ухода от национального эгоизма (национализма) во имя нравственного долга. Чтобы стать «вселенским целым», надо отказаться от отстаивания интересов своего народа: «Народ <...> должен признать свою солидарность со всеми другими живыми частями этого целого – солидарность в высших всечеловеческих интересах – и служить не себе, а этим интересам в меру своих национальных сил и сообразно своим национальным качествам» [17, с. 6]. Людей на пути национального эгоизма, как правило, удерживает «неразумный псевдопатриотизм», когда они отказываются от контактов с другими культурами. Выбор такого пути принесет им только зло, хотя и под предлогом любви. В. С. Соловьев подчеркивает, что народ должен быть «оплодотворен воздействиями извне», но он должен быть «открыт таким воздействиям» [17, с. 18]. Только тогда он станет не просто силой, но творческой силой, приносящей результаты. Поэтому не надо бояться диалога с другими народами, иначе национальная культура рискует остаться бесплодной и отсталой.

Таким образом, понятие народность (национальность) характеризуется В. С. Соловьевым с различных позиций. С одной стороны, оно объединяет представителей одной этнической группы, связанных общей историей и культурой («великая земная сила»). С другой стороны, в случае замкнутости, представления о собственной исключительности, вражды к представителям других народов данное явление способно перерасти в национальный эгоизм. В исследованиях дискуссии славянофилов и западников эта идея национального эгоизма в творчестве В. С. Соловьева оценивается как «отсталость в развитии, приводящая к деструктивным последствиям» [1, с. 99].

Также о патриотизме с точки зрения уважения к народам, живущим внутри страны, пишет и В. В. Розанов. Он считает, что для поддержания единства и предотвращения конфликтов внутри поликультурного государства, важно разграничить существование политическое и существование нравственное. Нравственное бытие, «разветвляясь, имеет вид быта, характера, языка, веры» [15, с. 14] и составляет суть этнической идентичности, которая необходима всем народам, поскольку мировая культура – это совокупность «самобытных обществ», а залог ее расцвета именно в многообразии.

Россия, по В. В. Розанову, является не просто отдельным государством, она выступает как целый «мир стран и народов, языков, религий» [15, с. 17]. Поэтому внутренняя политика

страны, сохраняющая культурную самобытность ее народов, предотвращает «этнографическую катастрофу», ведет к процветанию и духовному могуществу России. Политика обезличивания и унификации, осуществляемая властями, наоборот, угнетает культурное своеобразие народов, входящих в состав Российской империи. Таким образом, по мнению философа, наступление на нравы, язык или веру народов, населяющих страну, ведет к конфронтации между ними и к политическим неудачам для власти. В то время как уважение духовных ценностей и признание уникальности народов обеспечит «крепость России на века».

«Этнографическую составляющую» в национальном вопросе подробно разрабатывает и Н. С. Трубецкой. Истинному «евразийскому национализму» он противопоставляет национализм ложный, который, по его мнению, проявляется в нескольких вариантах: в великодержавном шовинизме так называемых исторических народов и в духовном раболепии народов, которые не попали в обиход «великих». Философ подчеркивает, что в последнем варианте национализма самосознание не играет никакой роли, ибо его сторонники вовсе не желают быть «сами собой», а, наоборот, хотят быть именно «как другие».

Он уверен, что «народ познал самого себя, если его духовная природа, его индивидуальный характер находят себе наиболее полное и яркое выражение в его самобытной национальной культуре» [19, с. 39]. Истинная цель всякого народа – это создание такой культуры. Целью отдельного человека, принадлежащего к данному народу, является жизнь, в котором полно и гармонично воплощалась бы народная самобытная духовная природа. Более того, каждый познает себя и как представителя конкретного народа. Следовательно, душевная жизнь человека включает в себе определенные элементы национальной психики.

Идея о том, что самопознание совпадает с познанием себя как части конкретного народа, развивается у И. А. Ильина. Для него понимание, что есть родина – это, прежде всего, понимание себя, а значит, и обретение родины. Это «творческий акт духовного самоопределения, ибо только в этом виде своем она достигает истинной высоты и зрелости, сообщая последнюю санкцию и “нужде”, и “долгу”, и “чести”, и “признательности”» [8, с. 243]. Поэтому и патриотическое самосознание проявляется не как чувство причастности просто к «народу», но к народу, ведущему духовную жизнь. В результате возникнет «могучее творческое единение людей в общем и сообща творимом предмете – в национальной духовной культуре» [8, с. 253]. Каждый гражданин будет гордиться ее достижениями и обогатит свой индивидуальный дух, чувствуя себя частью единого целого, благодаря сходству духовного уклада. Сравнивая национальную духовную культуру со множеством «общих возжженных огней», И. А. Ильин пишет, что от них каждый должен «воспламенить огонь своего личного духа» [8, с. 250]. В таком духовном объединении народа расовая, территориальная и любая другая эмпирическая связь получает более глубокий смысл.

Таким образом, И. А. Ильин, так же как и многие отечественные философы, рассматривает нацию и ее культуру не столько как пространственно-правовую или социальную категорию, сколько как духовную, а родину – как выражение духовной жизни народа, совокупность ее творческих созданий.

Примером такого же глубокого метафизического осмысления проблемы нации и национального вопроса могут служить взгляды С. Н. Булгакова [3; 4; 5]. Свою позицию философ наиболее полно излагает в статье «Размышления о национальности», где он остается в рамках религиозной метафизической традиции. По мнению автора, необходимо разграничивать научный и метафизический подходы к изучению нации. Применение только научных методов не дает ответов на вопросы о ее природе, ценности и идее, то есть о ее «почве» в целом. Поэтому в статье он рассматривает мировоззренческие и общеполитические основания данного понятия в контексте онтологии.

Во вступлении С. Н. Булгаков упоминает о двух сложившихся в истории философии противоположных онтологических принципах рассмотрения бытия, берущих начало от направлений номинализма и реализма в средневековой философии. Обращение к подобным стержневым онтологическим оппозициям использовалось во многих работах того времени для построения метафизических представлений о действительности [7; 9; 10; 21]. В своей статье С. Н. Булгаков также развивает идею этих двух онтологических подходов, но в контексте вопроса о нации.

При первом подходе акцент ставится на познании конкретного и единичного. В этом случае, пишет С. Н. Булгаков, «бытие исчерпывается непосредственной данностью состояний сознания, которая в своем выражении и логической обработке облекается в символику общих

понятий и суждений» [5, с. 436]. Данный подход позволяет анализировать понятия только с точки зрения содержащихся в них эмпирических фактов: «...наука как бы только снисходит, позволяя существовать отдельному экземпляру данного вида или рода во всей его бунтовщической и непослушной индивидуальности» [5, с. 439].

Понятие нации становится набором фактов, абстрактной и собирательной категорией. Человек и человечество предстают как существующие вообще, абстрактно, а нация – как предмет для изучения, некий мертвый продукт: «Все живое фактически мыслится мертвым и омертвевшим» [5, с. 441]. Душа самого народа исчезает. Кроме того, в рамках рассматриваемого подхода остается нерешенным вопрос о ценностях, в то время как человек, по мнению С. Н. Булгакова, является живым и меняющимся носителем ценностей. Поэтому здесь происходит подмена самой живой сущности человека и нации, их творческой энергии и духа абстрактной предметностью. Именно эту предметность как совокупность национальных черт и их проявлений исследует наука.

При втором подходе нивелируется самостоятельное значение отдельных фактов, здесь исходят из всеобщих структур отношений, выявляющих фундаментальность реальности. В нем «действительность несравненно глубже опытной данности, показания опыта суть только касания подлинных *res* о нашу субъективность, ее изменчивые и несовершенные, неадекватные символы» [5, с. 436]. Отдельное не остается отдельным, а входит в ряды взаимосвязей. Действительность в данном случае не предметна, а метафизична. Изучаются не абстрактные или конечные качества предметов, а законы и связи, в которые они вступают в этой действительности. Здесь понятие первично по отношению к фактам и вещам, определяя их содержание. Оно устанавливает все внутренние нематериальные связи между ними, обнаруживая целостность и значимость реальности.

В рамках данного подхода понятие нации у автора предстает «не как коллективное понятие или логическая абстракция, но как творческое живое начало, как духовный организм, члены которого находятся во внутренней живой связи с ним» [5, с. 437]. Как отмечают исследователи, С. Н. Булгаков в своих размышлениях о национальном исходит именно из религиозно-метафизического понимания духа нации [20, с. 57]. Такой метафизический подход к рассмотрению национальных основ оказывается наиболее продуктивным в аксиологическом смысле. Нацию пронизывает особый дух – нематериальное начало, благодаря которому происходит объединение людей. Каждый отдельный человек связан и принадлежит к определенной нации как к духовному организму. Эта связь, считает С. Н. Булгаков, изначально, и принадлежность к нации, то есть «сознание национальности», предполагает некое «бытийственное ядро личности», из которого она формируется и влияет уже на саму личность и на ее становление [5, с. 438].

Отказ философа от абстрактного научного анализа понятия «нация» не подразумевает отказа от объективности познания. Но познание здесь не ограничивается внешним содержанием предмета изучения, а делает зримым внутренний метафизический смысл: «Когда мы переживаем национальное чувство, ощущаем в себе нацию или себя в нации, мы опознаем бытийственное, а не эпифеноменальное лишь свое определение» [5, с. 437]. С. Н. Булгаков ставит под сомнение взгляд на национальность только как на механическую сумму индивидов, объединенных общим биологическим родством и усвоенной культурой. Более того, он полагает, что метафизические основы национальной принадлежности никак не зависят от внешнего «эмпирического я». Поэтому и национальное чувство основано не просто на сходстве внешних признаков или наследственности, а на переживании мистического чувства единения и глубинной связи со своим народом.

Таким образом, мыслителем признается, что с одной стороны у понятия нации может быть естественно-научная фактическая база, но с другой – он развивает такое понимание нации, которое позволяет анализировать его основы с ценностной точки зрения и увидеть здесь глубинное духовное содержание. Автор обращает внимание на то, что мысль о кровном единстве наций получила выражение и в религиозных образах, например, в библейском языке, где «племена и народы обозначаются как лица, по именам родоначальников» [5, с. 437]. Подобная персонификация национальностей («колена Израилевы») несет в себе духовно-религиозный смысл.

По мнению С. Н. Булгакова, национальности нельзя выдумать, поскольку они в ходе истории появляются «из сложных этнографических смешений». Но есть определенная черта, перейдя которую «этнографическая смесь превращается в нацию с ее особым бытием, само-

сознанием, инстинктом, и эта нация затем ведет самостоятельную жизнь, борется, отстаивая свое существование и самобытность» [5, с. 440]. В тексте статьи национальное и нация воспринимаются преимущественно как явления тождественные. Но С. Н. Булгаков уже намечает развитое позднее в науке разделение понятий этноса или национальности («этнографической смеси») и нации (не только как этнографическое, но и как государственное единство).

Кроме того, мыслитель упоминает о государстве, говоря, что это «исторический покров» нации, ее «облегающая скорлупа» [5, с. 446]. Даже учитывая, что национальности в пределах одного государства нередко вступают в борьбу, государство тем не менее «является общим их домом, и сознание этой общности тем выше, чем больше <...> политическая самостоятельность» [5, с. 448]. Из этого автором делается вывод, что отдельные проявления этнического патриотизма в итоге образуют и общегосударственный патриотизм. Чувство патриотизма, принадлежность к конкретной национальности, нахождение себя в единстве с другими определяются духовными внутренними скрепами и одновременно относятся к области социальной действительности.

Философ, признавая тот факт, что государства создаются народами, ищущими самутверждения, в то же время обращает внимание на то, что между ними возникают отношения не только солидарности, но и соревновательности. Поэтому при всем многообразии мировоззрений, восприятий и оценок, по С. Н. Булгакову, не может сформироваться одинаковая национальная идеология, одинаковая философия нации. Рост национального чувства, указывает он, приводит в результате к еще большей дифференциации: «Рядом с общенародным или общегосударственным самосознанием развивается местный, племенной патриотизм, ковер национальностей становится все пестрее и многоцветнее, а борьба их принимает более сложный, притом не только политический, но и культурный характер» [5, с. 447]. В такой борьбе неизбежно усиление национальных чувств, угрожающее переходом в национализм.

Следующий важный тезис, развивающий эту мысль, касается иерархий наций в государстве. Автор статьи отмечает, что «даже те государства, которые в своем окончательном виде состоят из многих племен и народностей, возникли в результате государствообразующей деятельности одного народа, который и является в этом смысле «господствующим, или державным» [5, с. 446]. Поэтому невозможно вести речь об исторической равноценности этносов в государстве. Россия, подчеркивает С. Н. Булгаков, была и остается русским государством при всей «своей многоплеменности» и даже в условиях проведения политики национального равноправия.

Однако это не означает, что у русских появляются какие-то привилегии. По мнению философа, русский народ должен стать первым среди равноправных народов, объединенных общим домом – российским государством. Таким образом, все этносы, живущие в России, обязаны смирять свой «национальный мессианизм», хотя это чувство вполне естественное. Оно трактуется мыслителем как имманентное свойство жизни народа и в то же время как сила, направленная за пределы нации. Народ ощущает свое призвание в национальном мессианизме не только по отношению к себе, но и по отношению к остальному человечеству.

Следовательно, ощущение национальной миссии, национального призвания – это то, что отражает понимание ценности и уникальности своей нации. Но при условии, что данное чувство не переходит в национальную гордыню или убеждение о превосходстве одной нации над другими. Только в этом случае национальный мессианизм не содержит ничего предосудительного. Кроме того, по С. Н. Булгакову, если у граждан сформировалось подобное мировоззрение, значит они обладают развитым национальным самосознанием. Последнее трактуется философом не как привилегия, а как долг, поскольку «идея избрания <...> должна родить обостренное чувство ответственности и усугублять требовательность к себе» [5, с. 446], называемую мыслителем «национальным аскетизмом». Именно он может стать той границей, которая отделит национальный мессианизм от «карикатурного отталкивающего национализма» [5, с. 447]. Такое понимание Булгаковым национальных отношений можно назвать «серединным путем», прокладываемым между национализмом и мессианизмом [12, с. 301].

Итак, характеристика национальных отношений также дается мыслителем сквозь призму метафизического подхода и религиозной терминологии (аскетизм, мессианизм). Он подчеркивает, что в период своего формирования нация приобретает дух, находящий выражение в разных сторонах национального творчества и в целом в культуре народа. Философ обращает внимание на то, что культуру не следует отождествлять с новейшей образованностью, так как она по своей сути намного древнее и глубже.

К числу особых эмпирически явленных «орудий культуры» С. Н. Булгаков относит язык и религию, отмечая, что в периоды подъема национального самосознания у людей «открываются глаза» на свою культуру. Через язык и религию человек подключается к уникальному опыту нации и к социальной памяти общества.

Язык – исторически важный продукт культуры. Он тесно переплетается с духовным развитием народа, возникает, передается от поколения к поколению, развивается. Это своего рода символический код культуры, в котором «отпечатлевается душа национальности» [5, с. 451]. Религия, как и язык, тоже выражает национальный дух. Прежде всего отражение духа характерно для ранних, чисто национальных религий. Однако и мировые религии проявляются через различные народы, каждый из которых привносит что-то свое. В данном контексте, по С. Н. Булгакову, можно говорить о справедливости идеи славянофилов о «русском Христе», так же как можно сказать и о Христе греческом, итальянском, германском и т. д. Кроме того, эта мысль продолжается в тезисе философа о том, что любому народу нужен свой «герой» или «герои», поскольку национальная миссия наиболее яркое проявление и оправдание получает именно в них. Автор относит к их числу «праведников, святых и героев» [5, с. 444]. Они являются воплощением идеала национального мессианизма и определенной духовной нормы для социальной действительности.

Это, в свою очередь, требует бережного отношения к национальной истории, искусству, героям и т. д. Именно на такой «любви к родному» воспитывается национальное самосознание, а денационализация, по С. Н. Булгакову, есть культурная смерть. С точки зрения мыслителя, «нельзя быть национальным на заказ или преднамеренно», поскольку данное чувство укоренено в глубинах подсознания, но в то же время национальное сознание можно и нужно воспитывать, иначе оно будет «извращаться». Поэтому «насколько предосудителен национализм, настолько же обязателен патриотизм» [5, с. 446]. Следовательно, осознание разнообразных эмпирических проявлений национального творчества и религии, выражающих дух нации, является важной аксиологической основой патриотизма.

Еще один акцент в рассуждениях С. Н. Булгакова сделан на том, что патриотизм – это не слепота, патриот, любя свою родину, может быть обличителем, но «не критиканом»: «Но только страждущая любовь даст право на это национальное самозаушение, там же, где ее нет, где она не ощущается, поношение родины, издевательство над матерью, проистекающее из легкомыслия или духовного оппортунизма, вызывает чувство отвращения и негодования» [5, с. 445]. Здесь необходимы и гордость, и умение признать свою вину перед родиной, видя раны на ее духовном теле.

Таким образом, патриотизм и национализм – это понятия, характеризующие разные стороны национального. Патриотизм, по С. Н. Булгакову, обязательно является воплощением духовной жизни, несущим в себе важный аксиологический аспект. Национализм же рассматривается как негативное явление социально-политической действительности: чувство национальной исключительности иногда может превращаться в национализм под влиянием государственного и политического устройства. В таком смысле национализм убивает патриотизм. Патриотические воззрения разных народов при правильной постановке национального вопроса в стране сливаются в один общегосударственный патриотизм, что служит мощным фактором усиления государства. В случае же ущербной национальной политики государство ослабляется межнациональными конфликтами. Поставив очень важную и актуальную проблему взаимодействия народов внутри одного государства, С. Н. Булгаков наметил принципиальные подходы для ее решения.

Список литературы

1. Блехер Л. И., Любарский Г. Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма Нового Средневековья. М. : Академический Проект, Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 608 с.
2. Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. М. : Изд-во МГУ, 1990. С. 92–100.
3. Булгаков С. Н. Война и русское самосознание: (Публич. лекция) // Труды по социологии и теологии : в 2 т. Т. 2 / С. Н. Булгаков. М. : Наука, 1997. С. 143–171.
4. Булгаков С. Н. Нация и человечество // Труды по социологии и теологии : в 2 т. Т. 2 / С. Н. Булгаков. М. : Наука, 1997. С. 644–653.
5. Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Сочинения в 2 т. Т. 2 / С. Н. Булгаков. М. : Наука, 1993. С. 435–457.

6. Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер / публ. Н. К. Гаврюшина // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 111–121.
7. Гартман Н. К. Основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
8. Ильин И. А. О патриотизме // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / И. А. Ильин. М.: Русская книга, 1994. С. 240–258.
9. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. М.: Гнозис, 2006. 400 с.
10. Лосский Н. О. Мир как органическое целое. М.: Директ-медиа, 2008. 285 с.
11. Лосский Н. О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. Основы этики / Н. О. Лосский. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. С. 333–523.
12. Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада. М.: Республика; Культурная революция, 2007. 477 с.
13. Муравьев В. Н. Национализм и интернационализм // Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / В. Н. Муравьев. М.: РОССПЭН, 1998. С. 76–78.
14. Муравьев В. Н. Национальная идея // Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения / В. Н. Муравьев. М.: РОССПЭН, 1998. С. 79–80.
15. Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. / сост., коммент. и ред. В. Г. Сукача. М.: Танаис, 1994. 735 с.
16. Соловьев В. С. Национализм // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского; изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг); И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. Т. 20А (40): Наказный атаман – Неясыти. С. 710.
17. Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 506 с.
18. Соловьев В. С. Патриотизм // Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского; изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг); И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. Т. 23 (45): Патенты на изобретения – Петропавловский. С. 36–38.
19. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993. С. 41–45.
20. Фомин В. Е. Национальный дух и размышления о национальности: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев // Булгаковские чтения. 2010. № 4. С. 55–62.
21. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. 656 с.

Between messianism and asceticism: the national question in the context of religious and metaphysical views of S. N. Bulgakov

T. S. Gorodilova¹, T. A. Goryunova²

¹PhD of Philosophical Sciences, associate professor of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-1837-1515. E-mail: gtspost@yandex.ru

²PhD of Philosophical Sciences, associate professor of the Department of cultural studies, sociology and philosophy, Vyatka State University.

Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-0119-114X. E-mail: tagorunova@inbox.ru

Abstract. Issues of patriotism and the "Russian idea" are traditionally given a lot of attention in Russian intellectual culture. Nevertheless, specific philosophical concepts related to the nation and nationality, international relations do not always fall into the field of detailed study of researchers. The national question is usually considered in the context of the same Russian idea. However, it is in the works of Russian philosophers at the turn of the XIX–XX centuries that the discussion of how relations between peoples should be built in a multinational country begins. The relevance of this topic in the views of S. N. Bulgakov is also due to the fact that the experience of Russian philosophy in the analysis of relations between peoples can become a theoretical basis for the development of modern strategies for the development of cultural and national policy. The purpose of the article is to reveal S. N. Bulgakov's ideas about the nation and the problems of forming national consciousness, patriotism, and the development of civil responsibility. On the example of his ideas, the importance of studying these topics is shown not only from the standpoint of an empirical scientific approach, but also from the worldview and general philosophical foundations. Recognizing the fact that Nations are the result of "ethnographic mixes", the philosopher emphasizes the impossibility of their productive knowledge without including an axiological component, since any nation has a special spiritual core. For its harmonious existence, the interaction of peoples living in one country is necessary. However, according to S. N. According to Bulgakov, the existence of a national identity is not a right, but a civic duty, which implies respect for all ethnic cultures, in which there is no place for "national messianism".

Keywords: Russian philosophy, metaphysics, nation, axiological approach, religiosity, patriotism, national and ethnic identity, nationalism.

References

1. Blecher L. I., Lyubarsky G. Yu. *Glavnyj russkij spor: ot zapadnikov i slavyanofilov do globalizma Novogo Srednevekov'ya* [Main Russian dispute: from Westerners and Slavophiles to globalism of the New Middle Ages]. M. Akademicheskij Project, Institute of the Foundation "Public opinion". 2003. 608 p.
2. Berdyaev N. A. *Nacional'nost' i chelovechestvo* [Nationality and humanity] // *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii vojny i nacional'nosti* – Fate of Russia. Essay on the psychology of war and nationhood / N. A. Berdyaev. M. MSU. M. 1990. Pp. 92–100.
3. Bulgakov S. N. *Vojna i russkoe samosoznanie: (Publich. lekcija)* [War and Russian identity: (Public lecture)] // *Trudy po sociologii i teologii : v 2 t. T. 2* – Proceedings of the sociology and theology : in 2 vols. Vol. 2 / S. N. Bulgakov. M. Nauka. 1997. Pp. 143–171.
4. Bulgakov S. N. *Nacija i chelovechestvo* [Nation and humanity] // *Trudy po sociologii i teologii : v 2 t. T. 2* – Works on sociology and theology : in 2 vols. Vol. 2 / S. N. Bulgakov. M. Nauka. 1997. Pp. 644–653.
5. Bulgakov S. N. *Razmyshleniya o nacional'nosti* [Reflections on nationality] // *Sochineniya v 2 t. T. 2* – Works in 2 vols. Vol. 2 / S. N. Bulgakov. M. Nauka. 1993. Pp. 435–457.
6. Vysheslavcev B. P. *Russkij nacional'nyj harakter* [Russian national character] / publ. N. K. Gavryushina // *Voprosy filosofii* – Question of philosophy. 1995. No. 6. Pp. 111–121.
7. Hartman N. *Osnovopolozheniyu ontologii* [To the foundation of ontology]. SPb. Nauka. 2003. 640 p.
8. Il'in I. A. *O patriotizme* [About patriotism] // *Sobranie sochinenij : v 10 t. T. 4* – Collected works : in 10 vols. Vol. 4 / I. A. Ilyin. M. Russkaya kniga. 1994. Pp. 240–258.
9. Kassirer E. *Poznanie i dejstvitel'nost'. Ponyatie substancii i ponyatie funkicii* [Cognition and reality. The concept of substance and the concept of function]. M. Gnosis. 2006. 400 p.
10. Losskij N. O. *Mir kak organicheskoe celoe* [World as an organic whole]. M. Direct-media. 2008. 285 p.
11. Losskij N. O. *Harakter russkogo naroda* [Character of the Russian people] // *Usloviya absolyutnogo dobra. Osnovy etiki* – Conditions of absolute good. Fundamentals of ethics / N. O. Lossky. Minsk. Belarusian Exarchate. 2011. Pp. 333–523.
12. Motroshilova N. V. *Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada* [Thinkers of Russia and philosophy of the West]. M. Respublic ; Kulturnaya revoliuciya. 2007. 477 p.
13. Murav'ev V. N. *Nacionalizm i internacionalizm* [Nationalism and internationalism] // *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publicisticheskie proizvedeniya* – The mastery of time. Selected philosophical and journalistic works / V. N. Muravyov. M. ROSSPEN. 1998. Pp. 76–78.
14. Murav'ev V. N. *Nacional'naya ideya* [National idea] // *Ovladenie vremenem. Izbrannye filosofskie i publicisticheskie proizvedeniya* – The mastery of time. Selected philosophical and journalistic works / V. N. Muravyov. M. ROSSPEN. 1998. Pp. 79–80.
15. Rozanov V. V. *Sochineniya: Inaya zemlya, inoe nebo... Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899–1913 gg.* [Works: Another earth, another sky... Complete collection of travel essays, 1899–1913] / comp., comments and edited by V. G. Sukach. M. Tanais. 1994. 735 p.
16. Solov'ev V. S. *Nacionalizm* [Nationalism] // *Enciklopedicheskij slovar'* – Encyclopedic dictionary / under the editorship of Professor I. E. Andreevsky; ed.: F. A. Brockhaus (Leipzig), I. A. Efron (St. Petersburg). SPb. Tipo-Lithography of I. A. Efron, 1897. Vol. 20A (40): Punitive chieftain – the tawny owl. P. 710.
17. Solov'ev V. S. *Nacional'nyj vopros v Rossii* [The national question in Russia]. M. AST : Hranitel'. 2007. 506 p.
18. Solov'ev V. S. *Patriotizm* [The patriotism] // *Enciklopedicheskij slovar'* – Encyclopedic dictionary / under the editorship of Professor I. E. Andreevsky; ed.: F. A. Brockhaus (Leipzig), I. A. Efron (St. Petersburg). SPb. Tipo-Lithography of I. A. Efron, 1898. Vol. 23 (45): Patents for inventions – Petropavlovsk. Pp. 36–38.
19. Trubeckoj N. S. *Ob istinnom i lozhnom nacionalizme* [About true and false nationalism] // *Rossiya mezhdu Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologiya* – Russia between Europe and Asia: the Eurasian temptation. Anthology. M. 1993. Pp. 41–45.
20. Fomin V. E. *Nacional'nyj duh i razmyshleniya o nacional'nosti: S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, B. P. Vysheslavcev* [National spirit and reflections on nationality: S. N. Bulgakov, N. A. Berdyaev, B. P. Vysheslavtsev] // *Bulgakovskie chteniya* – Bulgakov readings. 2010. No. 4. Pp. 55–62.
21. Frank S. L. *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [Subject of knowledge. Soul of man]. SPb. Nauka. 1995. 656 p.